

УДК 329

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург, E-mail: lfishman@yandex.ru

НАШ СОВРЕМЕННОК СОРЕЛЬ

Статья посвящена недавно изданным в России «Размышлениям о насилии» Ж. Сореля. Выделяются те значимые интеллектуально-политические стратегии, вытекающие из «Размышлений», которым не трудно найти аналоги более поздних периодов. Показано, что Сорель фактически являлся ранним критиком «идеологического консенсуса» Новейшего времени или, в терминологии Валлерстайна, «либеральной геокультуры». Для него либеральный консенсус был олицетворением декаданса, морального и культурного упадка, который затронул всех, кто в этом консенсусе активно участвовал. Морально-идеологическое болото консенсуса вело к моральной деградации всех классов – прежде всего пролетариата и буржуазии. Сделан вывод, что из «Рассуждений» Сореля вытекали «сильная» стратегия разрушения либерального консенсуса путем социалистической революции и «слабая», но оказавшаяся гораздо более востребованной несколько десятилетий спустя стратегия «культурной революции». Показано, что в определенном смысле мы остаемся современниками Сореля, ибо продолжаем ходить по проторенным им интеллектуальным тропинкам. Интуиции Сореля, касающиеся морально-идеологической проблематики современных обществ, во многом предвосхитили наше восприятие современного мира.

Ключевые слова: Ж. Сорель, либеральный консенсус, культурная революция, мораль.

Ж. Сорель – не то чтобы автор в России совсем не известный. Его не издавали у нас с 1907 г., но довольно часто упоминали и пересказывали. Историки политической мысли при этом делали акцент на его «теории насилия» и на «мифе о всеобщей стачке» (разрабатывающие проблематику политических мифов непременно упоминают Сореля). В 2013 г. в России наконец была переиздана знаменитая книга Ж. Сореля «Размышления о насилии». Это, правда, не вызвало сколь-нибудь масштабного обсуждения его идей, вероятно потому, что в целом идеи Сореля – часть радикально левой (как и радикально правой) политической культуры. Не случайно Сореля пытались представить сторонником «третьего пути» между социализмом и капитализмом, что на деле означало его «приватизацию» деятелями вроде Лимонова и Дугина и их европейскими вдохновителями. Однако ни право-, ни леворадикальная политическая культура у нас сегодня особым влиянием не пользуется.

Но означает ли это, что Сорель в целом неактуален и имеет значение лишь для историков политической мысли? По нашему мнению, нет.

По-видимому, не имеет большого смысла пытаться классифицировать Сореля, навешивать на него тот или иной идеологический ярлык, однозначно заключать, кем он был – социалистом, фашистом, консервативным революционером, сторонником «третьего пути», ленинистом, всеми по очереди или просто «путаником». Один из его наиболее проницательных современников – Грамши несмотря на многочисленные поводы «отвергает истолкование противоречивого комплекса идей Сореля в духе социального консерватизма, отождествление его взглядов с фашистским культом насилия и «надклассовой» корпоративистской идеологией» и отмечает, что мысль Сореля «заклучает в себе или подсказывает оригинальные взгляды, находит неожиданные, но верные связи, заставляет думать и идти вглубь». Встречающиеся у Сореля «проблески глубокой интуиции», свойственная ему «острота» в подходе к истории идей по-прежнему остаются для Грамши характерными и привлекательными чертами его интеллектуальной деятельности» [2].

На наш взгляд, который мы ниже попытаемся обосновать, ход мысли Сореля во многом предвосхитил наше восприятие современного мира. В связи с этим мы должны выделить вытекавшие из его «Размышлений» значимые интеллектуально-политические стратегии, которым не трудно найти аналоги более поздних периодов.

Таковых, по нашему мнению, как минимум две. Прежде всего мы должны отметить, что Сорель фактически являлся *ранним критиком «идеологического консенсуса» Новейшего времени*, или в терминологии Валлерстайна, «либеральной геокультуры».

Вторая значимая для более поздних времен интеллектуально-политическая стратегия, начало которой положил Сорель, вытекала из первой. Сорель предлагал такого рода пути выхода за пределы этой геокультуры, которые не должны были принадлежать ни к какой конкретно идеологии и системе морали. Идеология, мораль и т.п. со всем их рационализмом, принадлежали, по Сорелю, цивилизации, которая находится в упадке и от которой в будущее ничего брать не следовало. Поэтому интерес к проблемам идеологии и морали приводил Сореля к рецептам, которые лежат за пределами идеологии и морали в привычном, рационалистическом понимании.

Таким образом, из размышлений Сореля следовали две версии разрушения либеральной геокультуры-цивилизации. В области морали Сорель делал ставку на борьбу, насилие, героизм, которые не дают готовых моральных постулатов, но без которых никакая подлинная мораль невозможна. При этом насилие пролетариата воспринималось им как «рыцарское» и лишённое жестокости насилия государства. Пролетариат в сущности должен был в первую очередь победить культурно за счет того, что обладал единственно подлинным источником морали. Из этого вытекала

«сильная версия» революции как Великого разрушения либеральной геокультуры. В то же время взгляды Сореля оставляли место и для слабой версии этого Великого разрушения – своего рода аналога маркузеанского «Великого отказа», «культурной революции», в том случае если надежда на пролетариат не оправдывалась.

На указанных двух стратегиях мы и остановимся подробнее.

Сорель, возможно, едва ли не первым осознал, что сформировался идеологический и моральный консенсус Новейшего времени – консерватизма, либерализма и социализма, в котором либерализм стал доминирующим.

Чтобы не быть голословными, мы должны сопоставить описания идеологического консенсуса либеральной геокультуры, присутствующие у Сореля, с современными, данными И. Валлерстайном. Как идеологический консенсус описывает Валлерстайн? Вот характерные его высказывания по данному поводу: «Следствием либерально-социалистических альянсов стало возникновение некоего социалистического либерализма. Следствием сближения либералов и консерваторов оказался консервативный либерализм. Короче говоря, дело свелось к возникновению двух разновидностей либерализма» [1, с. 89].

Валлерстайн отмечает, что все эти три идеологические течения при том, что их идеологи время от времени высказывались против государства, на практике: «выступали за реальное усиление государственной власти, эффективности процесса принятия решений и государственное вмешательство, что в совокупности составляло историческую траекторию развития современной миросистемы в XIX и XX столетиях» [1, с. 100].

В итоге, продолжает Валлерстайн, «в период между 1848 г. и 1914 г. о Либералах – Либералах с большой буквы «Л», которые воплощали идеи либерализма как идеологии с маленькой буквы «л», – можно было сказать, что все это время они находились в постоянном смятении, поскольку никогда не знали, как далеко они осмелятся зайти, никогда не были уверены в том, что уступок было сделано слишком много или слишком мало. Политическим результатом этого смятения стала утрата политической инициативы Либералами с большой буквы «Л» в ходе того процесса, который привел либерализм с маленькой буквы «л» к окончательной победе в качестве господствующей идеологии миросистемы.

То, что произошло с 1848 г. по 1914 г., было удивительно вдвойне. Во-первых, представители всех трех идеологических течений перешли от теоретических антигосударственных позиций на позиции упрочения и усиления государственных структур самыми разными способами. Во-вторых, либеральная стратегия начала проводиться в жизнь благодаря совместным усилиям консерваторов и социалистов» [1, с. 98-99].

Теперь обратимся к Сорелю.

Его «Размышления о насилии» во многом – критика идеологических, моральных и институциональных аспектов либерально-консервативно-социалистического консенсуса.

У Сореля было даже что-то вроде своего названия для этого консенсуса, новизну и необычность которого он чувствовал, «того особенного режима, при котором мы живем» [7, с. 89].

Сорель едко, не стесняясь в оценках, описывал три стороны этого консенсуса – либеральную буржуазию, парламентских социалистов и консерваторов. Его книга полна инвективами против современного либерального государства («демократии», к которой он относился с величайшим презрением) и интегрировавшихся в него чиновников от социализма и профсоюзного движения, против пронизывающего это согласие стремления не обострять противоречий, идти на уступки друг другу, блокируя возможность радикального прорыва к новому обществу.

Сорель резко обличал готовность парламентских социалистов апеллировать к силе государства: «Парламентские социалисты... воображают, что весь социализм сводится к изысканию средств для захвата власти. ... Эти люди думают, что всякий раз, как между рабочими и хозяевами вспыхивает экономический конфликт, можно наладить регулярные дипломатические переговоры между социалистической партией и государством, чтобы частные разногласия решали две власти» [1, с. 81-83].

Что же либералы? Выше мы приводили слова Валлерстайна о том, что «все это время они находились в постоянном смятении, поскольку никогда не знали, как далеко они осмелятся зайти, никогда не были уверены в том, что уступок было сделано слишком много или слишком мало». В глазах Сореля это выглядело так: «...буржуа, сбитые с толку байками проповедников морали или социологии, возвращаются к идеалу консервативной умеренности, пытаются исправить злоупотребления экономики и хотят порвать с варварством своих предков» [1, с. 86]. «К вырождению капиталистической экономики прибавляется идеология боязливой сострадательной буржуазии, стремящаяся освободить мысль об условиях своего существования. Поколения смелых предпринимателей, которым современное производство обязано своей мощью, уступили место сверххитрой аристократии, стремящейся жить в мире со всеми» [1, с. 86].

Консерваторы также оказываются включенными в «новый режим» или идеологический консенсус: «Консерваторы нисколько не ошибаются, видя в компромиссах, принимающих форму коллективных договоров и корпоративной обособленности, верные средства избежать марксистской революции, но они попадают из огня да в полымя, так как рискуют быть поглощенными парламентским социализмом» [1, с. 82].

Чем же был для Сореля современный ему «новый режим» в моральном отношении? Он был олицетворением декаданса, морального и культурного упадка, который затронул всех, кто в этом консенсусе активно участвовал. Сорелю были в первую очередь интересны социалисты, поэтому он не без иронии отмечал, что нынче «парламентский социализм испытывает некоторое стеснение от того, что социализм изначально строился на абсолютных принципах...» [1, с. 84] и что «всякая моральная тео-

логия непременно делится на два течения: казуисты говорят, что надо довольствоваться сколько-нибудь правдоподобными мнениями, другие, напротив, стоят за мнения решительные и непреложные. Это различие неизбежно должно было сказаться и у наших парламентских социалистов...».

Из этого следовало, что достигнуто согласие в том, что буржуазное общество в идеологическом смысле уже не вполне буржуазное, ибо «оба подхода равно предполагают, что буржуазное общество совершенно распадается, зажиточные классы утратили всякое сознание своих классовых интересов, а люди склонны слепо следовать внушениям тех, кто завладел и управляет общественным мнением» [1, с. 85-86].

По Сорелю, это морально-идеологическое болото вело к моральной деградации всех классов – прежде всего пролетариата и буржуазии. Особенно Сореля удручало отсутствие у современной ему буржуазии боевого духа и готовности бескомпромиссно отстаивать свой классовый интерес, положение, взгляд на вещи и т.д. «Если же, напротив, буржуа, сбитые с толку байками проповедников морали или социологии, возвращаются к идеалу консервативной умеренности, пытаются исправить злоупотребления экономики и хотят порвать с варварством своих предков, то часть сил, которые должны обеспечивать продвижение капитализма в определенном историческом направлении, тормозит это продвижение, в ход исторического развития вторгается случайность и будущее человечества представляется совершенно неопределенным» [1, с. 91].

Иными словами, складывающийся консенсус представлялся Сорелю тупиком, тормозом Истории, торжеством «диктатуры бездарности», готовой подчинить наряду с буржуазией и рабочим: «Чтобы рабочий класс мог примириться с этой диктатурой бездарности, он должен пасть так же низко, как и буржуазия, и потерять всю революционную энергию в то самое время как его господа потеряют всю энергию капиталистическую» [1, с. 88].

Главной заботой Сореля был поиск выхода за пределы этого консенсуса в сторону действительно иного морального и социального порядка. Для него новое общество означало новую мораль. Борьба за новое общество поэтому не подразумевала морального компромисса. По Сорелю, не компромисс и консенсус, не измышления теоретиков порождают новую мораль (да и всякую мораль), но борьба и война, в которой сталкиваются отчетливо осознаваемые классовые интересы и точки зрения.

Но для этого нужен морально-революционный «миф». Этот миф (о всеобщей стачке), как полагал Сорель, должен был сохранить боевой дух в пролетариях. Единственная задача социалистов для Сореля – объяснить пролетариату величие его революционной роли. Это объяснение должно осуществляться на идеологическом, моральном, институциональном уровнях: «Надо непрестанной критикой побуждать его к постоянному совершенствованию его организаций; надо показывать ему, как он может развивать зарождающиеся в недрах его протестных объединений формы, чтобы создать из них новые институты, не имеющие прообраза в истории буржуазного

общества, чтобы выработать идеи, основанные единственно на его положении как производителя в крупной промышленности и ничего не заимствующие из буржуазной мысли, наконец, чтобы приобрести такие *обычаи* свободы, каких буржуазия сегодня уже не знает» [1, с. 90].

Пробуждение боевого духа рабочего класса, надеялся Сорель, привело хотя бы к частичному возрождению боевого духа буржуазии. Таким образом, возродился бы тот импульс не знающей компромиссов борьбы классов, взглядов, образов жизни, моралей, который совершенно необходим для действительного движения Истории и который нынче утрачен в силу «случайного» торжества бесконфликтного консенсуса.

Новая мораль, прорывающая консенсусный декаданс, есть плод борьбы, вдохновленной мифом и осуществляемой классами, разделяющими героическую этику. На героической этике, которой Сорель уделяет большое внимание, следует остановиться подробнее. Она – часть его философии истории, философии, акцентирующей внимание на тех человеческих мотивах, которые историей движут. Суть ее можно выразить так: в основе всякого исторического движения, развития лежит личный порыв и сознательная незаинтересованность в вознаграждении. Историей движет человеческое бескорыстие. Бескорыстные, не ждавшие славы гении построили готические соборы Европы; неизвестные работники создавали и создают многочисленные материальные блага; не ожидающие награды солдаты революционных армий времен Великой революции выиграли множество сражений и т.д. Другие аспекты героической этики – стремление если к вознаграждению, то к нематериальному: славе, раю, осознанию участия в великом деле и стремление честно выполнять свой долг, соответствуя призванию. Те же самые качества, которые были у солдат революционных армий, есть, согласно Сорелю, и у пролетариата, приверженного мифу всеобщей стачки. И они же находятся в основании всякой истинной морали, наполняющей смыслом *движение* истории. Буржуазия, отказываясь от элементов героизма (и милитарности) в своей морали, отказываясь от этики следования своему творческому, производительному призванию в пользу калькулируемого материального вознаграждения (как тут не вспомнить Вебера), приходит в упадок и *лишается морали как таковой*. Та же участь грозит и пролетариату, если он пойдет по тому же пути.

Соблазнительно, однако ошибочно было бы сделать такой вывод, будто Сорель считал, что история движется насилием. По Сорелю, скорее история движется чем-то вроде бергсоновского «жизненного порыва», творческого, бескорыстного, героического. Она движется в борьбе социальных сил (классов), ясно сознающих свои цели, имеющих свою мораль. Суть морали в героизме, который является *следствием* этого «жизненного порыва» и бескорыстной незаинтересованности, а не в героизме как голом милитаризме и насилии. Насилие – это своего рода признак честного столкновения творческих, производительных сил, движущих историю.

Если оно отодвигается, как в либеральном консенсусе, значит история попала в болото, наступил своего рода фукуямовский «конец истории».

Мы сегодня можем отметить, что сорелевский анализ героически-милитарных, бескорыстных корней морального чувства и тех угроз, которые влечет отказ от них в пользу материальной мотивации, не был лишен изрядной доли проницательности. Для нашего времени характерны сетования по поводу вытеснения моральных мотиваций рыночными отношениями, когда все чаще начинает покупаться и продаваться то, что раньше считалось достижимым лишь в результате действий из бескорыстных побуждений [8].

Уязвимость позиции Сореля в том, что миф может быть разным, а усеченный вариант героической этики с акцентом на честь, военную доблесть и верность, сочетается с любым из них. Это выявила первая мировая война, на которую Сорель с определенного момента стал возлагать основные свои надежды, и все, что за нею последовало. Сочетание мифа и героической этики дало в том числе и фашизм. Фашисты прочли тезис о мифе как тезис о способе манипуляции массами, а тезис о героической этике – как о средстве милитаризации масс для завоевания мира.

Сорель с презрением относился к рационализму в области морали и идеологии, к «научности» социализма. Но выяснилось, что без толики рационализма и научности сочетание политического мифа и героической этики легко заводит куда-то не туда. Фактически получилось, что Сорель сформулировал не рецепт достижения социализма и не рецепт «третьего пути», а рецепт разрушения имеющегося идеологически-морального консенсуса. Причем разрушения с разными последствиями. В случае фашизма это было даже не разрушение в смысле выхода за пределы консенсуса, а абсолютизация некоторых его черт в ущерб прочим. Поэтому показательно, что в дальнейшем Сорель так легко нашел общий язык с правыми радикалами. Для него было важно «организовать Град вне демократических идей, необходимо организовать классы вне демократии несмотря на демократию и против нее. Нужно разбудить сознание, которым должны обладать сами классы и которое заглушено демократическими идеями. Необходимо разбудить собственные добродетели каждого класса, без которых никто не может выполнить свою историческую миссию [3].

Проблема, с которой столкнулся Сорель и которая актуальна и сейчас, заключается в субъекте, который может сокрушить консенсус в институциональной, моральной и идеологической сферах. Если такой субъект существует, то все его существенные признаки должны находиться за пределами консенсуса: образ жизни, нравы, способы самоорганизации, творчества, осмысления реальности, отстаивания своих интересов и т.д.

Если суть консенсуса – этого «случайного» отклонения от магистрального хода истории – состоит в сглаживании позиций, классовом мире, плоском рационализаторском морализме и утопизме, интеллектуальном и социальном паразитизме, то суть этоса внесистемного соци-

ального субъекта есть творчество, иррациональность, борьба, героизм, отсутствие иерархии.

Из такой позиции вытекают две стратегии – сильная и слабая. *Сильная* – это социалистическая революция, ответ насилием на силу старого мира, когда новый социальный субъект производит полномасштабную трансформацию общества.

Для Сореля в момент написания «Размышлений о насилии» таким субъектом был пролетариат, которому приписывалось наличие этоса, способного при его развитии породить новую мораль и новое общество. Сорель был в этой надежде на пролетариат не одинок. Однако он ошибался в оценке рабочего класса как обладающего действительно «внесистемным» потенциалом, *единственным источником новой морали и новой культуры*. По мере того, как его надежда на пролетариат угасала, он возлагал свои упования на войну, на тактические союзы с правыми радикалами и т.д., то есть с теми силами, которые казались способными разрушить консенсус *извне*. Общий ход рассуждений Сореля на самом деле не давал никаких привилегий пролетариату. Сорель – не ортодоксальный марксист; при всех его симпатиях к пролетариям, он не мог оставить им монополию как на новую мораль, так и на героическую этику, которая древнее всякой морали и отчасти служит предпосылкой для каждой из ее новых версий. Он даже не был и ортодоксальным социалистом, поскольку революция в его понимании «никогда не затрагивала частной собственности. Ж. Сорель стремился возродить производительный капитализм (капитализм производственный) вместо плутократического паразитирующего капитализма крупного капитала, бирж, финансистов, ростовщиков [3].

Как отмечает В.П. Макаренко, революцию Сорель рассматривал прежде всего как великую катастрофу, обладающую *самостоятельной верховной ценностью*. Поэтому «потеряв надежду на то, что пролетариат исполнит предписанную ему роль, Сорель обратился к национализму, едва пришел к выводу о большей продуктивности национальных идей по сравнению с классовыми [4].

Иными словами, Сорель в начале XX в. прошел уже тот путь, по которому затем последовала изрядная часть «новых левых». Он отказался от приписывания особой моральной и идеологической трансформаторской потенции какому-то одному классу; следующим шагом должен был стать поиск тех социальных групп, которые исходя из своего социального положения (только уже не положения производителей, как пролетарии) оказываются за пределами консенсуса. Таким образом Сорель пришел к тому, «что социализм – это не политическая программа и не политическая партия. Социализм – это моральная революция, интеллектуальный переворот, духовная революция. ...Социализм Сореля не компромисс. Он есть культурная Революция. Его цель не в улучшении капитализма через перераспределение власти (какая разница между технократом слева и технократом справа?), но в утверждении через революцию новых ценностей» [6].

Как показал дальнейший ход событий, именно имплицитно присутствующая в рассуждениях Сореля слабая стратегия «культурной революции» оказалась более востребованной в силу большей универсальности.

Сегодня мы являемся свидетелями кризиса и распада идеологического и морального консенсуса. Это означает отказ от признания доминирования либерализма в его прежнем «надклассовом» виде, акцент на классовых интересах в ущерб межклассовым компромиссам. Один из ярких симптомов – неолиберализация, которая, по словам Д. Харви, стала инструментом восстановления открыто классовых властей [10].

В то же время укрепились движения разного рода меньшинств, фактически настаивающие на предоставлении им не то что равных прав, но и привилегий. Возродились и праворадикальные движения, наследники национализма и фашизма. Как сказал бы по этому поводу Сорель, сегодня «буржуазия» обрела толику своего бывшего боевого духа и бросила вызов прочим, формулируя свою мораль, навязывая обществу свой порядок, свою «силу», на которую уже следуют ответы в виде «насилия», разного рода «оккупации», «майданы», «тахриры» и т.д. Сегодня мы можем сказать, что элементы сорелевского насилия как демонстрации мощи той или иной социальной группы являются частью тактики разных социальных сил, включенных в противоположную активность. При этом вопрос о субъекте «революционных» изменений и его преимуществах остается не проясненным. Протест против существующих порядков обычно совершается в рамках стратегии культурного отказа от них или же вполне «системного» требования «ремонта» политической «надстройки», либо перестановки властвующих элит внутри нее (как в «цветных» революциях). Нынешние «майданы» не предполагают последовательного развертывания революции, как это было в ту пору, когда ее целью виделся социализм, а субъектом – пролетариат. В лучшем случае они стремятся к новой настройке, оптимизации и коррекции существующей системы, но никак не к отказу от главного легитимирующего концепта современного политического порядка в виде либерального консенсуса. Импульсы ломки этого консенсуса идут как слева, так и справа. Со всех сторон, даже со стороны неолибералов, востребованы какие-то элементы героической этики: от Айн Рэнд с ее титанами капитализма до неонацистов с их милитаризмом. Но как и столетие назад сама по себе героическая этика вовсе не прокладывает дорогу за пределы существующего порядка вещей. Нельзя сказать, что ход событий автоматически ведет современные общества к появлению какой-то принципиально новой общественной морали [5]. Либеральный консенсус хотя и разрушается, но альтернативы ему не появилось, и поэтому все мы вольно или невольно являемся наследниками морально-идеологических упований, возлагавшихся ранее на этот консенсус. Но само обострение политической борьбы делает возможным осознание борющимися сторонами существующих моральных позиций. Нередко это означает осознание степени их адекватности сегодняшнему дню или же степени их девальвации, как на-

пример в случае нашей отечественной борьбы вокруг «духовных скреп» и «традиционных ценностей» [9].

Разумеется, из всего этого не следует, что Сорель является «пророком», предвидевшим наше настоящее. Но Сорель оказался настолько проницательным в своих наблюдениях за некоторыми тенденциями развития общества и его культуры (из которых выросли наши нынешние культура и общество), что, читая его «Размышления», невозможно не соотносить их с современностью. Можно было бы сказать, что Сорель – наш современник, но в определенном смысле это мы остаемся современниками Сореля, ибо прошел век, а мы продолжаем ходить по проторенным им интеллектуальным тропинкам с перспективой наступить на те же грабли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Валлерстайн И.* После либерализма. М. : Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
2. *Григорьев И.В.* Проблема революции в представлениях Грамши периода «красного двухлетия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_673.htm (дата обращения: 15.02.2014).
3. *Кабешев Р.В. Ж.* Сорель и Ш. Моррас – первые попытки соединения идей синдикализма и национализма [Электронный ресурс]. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/29.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990200_West_MO_2004_1(2)/29.pdf) (дата обращения: 15.02.2014).
4. *Макаренко В.П.* Марксизм: идея и власть. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1992. 476 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://referati.me/rejimy-partii-politicheskie/marksizm-anarhizm-fashizm-27833.html> (дата обращения: 15.02.2014).
5. *Мартынов В.С., Фишман Л.Г.* Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М. : Весь мир, 2010. 255 с.
6. *Самтьеру А.* Жорж Сорель: социализм и насилие [Электронный ресурс] // «Элементы». М., 2000. № 7. URL: <http://www.arcto.ru/article/497> (дата обращения: 15.02.2014).
7. *Сорель Ж.* Размышления о насилии. М. : Фаланстер, 2013. 293 с.
8. *Сэндел М.* Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 255 с.
9. *Фишман Л.Г.* Поможет ли духовность российскому капитализму? // Полития. 2013. № 2. С. 119-128.
10. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение [Электронный ресурс]. М. : Поколение, 2007. URL: http://revbel.org/wp-content/uploads/Дэвид_Харви_-_Краткая_история_неолиберализма.pdf (дата обращения: 15.02.2014).

Материал поступил в редколлегию 17.02.2014 г.

Leonid G. Fishman, doctor of political Sciences, senior researcher, Department of philosophy Institute of Philosophy and law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: lfishman@yandex.ru

SOREL, OUR CONTEMPORARY

Abstract: The article is devoted to «Reflections on violence» by J. Sorel recently published in Russia. The significant intellectual and political strategies following from «Reflections», which have analogies in later periods, are allocated. The author shows that Sorel actually was the early critic of «ideological consensus» of the Latest times, or «liberal geo-culture» according to the Vallerstayn's terminology. For him, the liberal consensus was an embodiment of a decadent,

moral, and cultural decline, which affected all those who actively participated in such consensus. The moral and ideological “bog” of consensus led to moral degradation of all classes – first of all the proletariat and the bourgeoisie. The conclusion is made that Sorel's «Reflections» were followed by the «strong» strategy of destruction of liberal consensus by socialist revolution, and «weak» (but much more demanded several decades later) strategy of «cultural revolution». The author proves that in a sense we remain Sorel's contemporaries because we continue to follow the intellectual footpaths blazed by him. In many respects, Sorel's intuitions concerning moral and ideological perspective of modern societies anticipate our perception of the contemporary world.

Keywords: J. Sorel, liberal consensus, cultural revolution, morality.

***The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below***

BIBLIOGRAFICHESKI SPISOK

1. Vallerstajin I. Posle liberalizma. M. : Editorial URSS, 2003. 256 s.
2. Grigor'ev I.V. Problema revoljucii v predstavlenijah Gramshi perioda «krasnogo dvuhletija» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_673.htm (data obrashhenija: 15.02.2014).
3. Kabeshev R.V. Zh. Sorel' i Sh. Morras – pervye popytki soedinenija idej sindikalizma i nacionalizma [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/29.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99990200_West_MO_2004_1(2)/29.pdf) (data obrashhenija: 15.02.2014).
4. Makarenko V.P. Marksizm: ideja i vlast'. Rostov n/D. : Izd-vo Rost. un-ta, 1992. 476 s. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://referati.me/rejimyi-partii-politicheskie/marksizm-anarhizm-fashizm-27833.html> (data obrashhenija: 15.02.2014).
5. Mart'janov V.S., Fishman L.G. Rossija v poiskah utopij. Ot moral'nogo kollapsa k moral'noj revoljucii. M. : Ves' mir, 2010. 255 s.
6. Samp'eru A. Zhorzh Sorel': socializm i nasilie [Jelektronnyj resurs] // «Jelementy». M., 2000. № 7. URL: <http://www.arcto.ru/article/497> (data obrashhenija: 15.02.2014).
7. Sorel' Zh. Razmyshlenija o nasilii. M. : Falanster, 2013. 293 s.
8. Sjendel M. Chto nel'zja kupit' za den'gi. Moral'nye ogranichenija svobodnogo rynka. M. : Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 255 s.
9. Fishman L.G. Pomozhet li duhovnost' rossijskomu kapitalizmu? // Politija. 2013. № 2. S. 119-128.
10. Harvi D. Kratkaja istorija neoliberalizma. Aktual'noe prochtenie [Jelektronnyj resurs]. M. : Pokolenie, 2007. URL: http://revbel.org/wp-content/uploads/Djevid_Harvi_-_Kratkaja_istorija_neoliberalizma.pdf (data obrashhenija: 15.02.2014).